

© А. М. СТОЧИК, С. Н. ЗАТРАВКИН, 1997

УДК 378.661:93(470-25)

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

"УСТАВ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА" 1804 ГОДА И ЕГО ВВЕДЕНИЕ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Кафедра истории медицины и культурологии ММА им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, Москва

5 ноября 1804 г., спустя без малого 50 лет со дня основания, Московский университет получил первый полноценный устав. Попытки подготовить такой документ предпринимались и ранее, но все они в силу различных причин неизменно терпели неудачу¹. Решить этот необходимый для работы университета вопрос удалось лишь после восшествия на престол Александра I в начале XIX века благодаря целенаправленным и чрезвычайно активным действиям верховной власти, поставившей проблему народного просвещения в разряд первоочередных государственных задач².

В результате предпринятой в 1802—1804 гг. по инициативе Александра I и его ближайших сподвижников невиданной по своим масштабам в России реформы народного образования Московский университет впервые за полвека своего существования стал одним из элементов системы учебных заведений, подчиненных единой цели, что в свою очередь обусловило достаточно быстрое составление и утверждение его основного закона — устава.

Согласно обнаруженным в Российском государственном историческом архиве "Отчетам о состоянии учебных заведений Московского учебного округа за 1804 год" Устав был получен в Московском университете только "февраля 14 дня 1805 года"³. С этого времени, как следует уже из другого архивного документа — "Годового отчета Императорского Московского университета" за 1805 год, — и началось "полное преобразование и устройство, основанное на высочайше утвержденном уставе"⁴. Именно "полное преобразование", поскольку Устав 1804 г. предусматривал внесение тех или иных изменений практически во все аспекты деятельности университета. В настоящей публикации мы остановимся лишь на тех нововведениях Устава, которые имели непосредственное отношение к подготовке медиков, за исключением вопросов реорганизации управления университетом и факультетами, так как они достаточно полно освещены в литературе⁵.

Если на протяжении XVIII столетия поступить в Московский университет мог любой молодой человек, предъявивший руководителям университета свидетельства "О благонравии", "О праве на законную свободу и исключение из подушного оклада", а также доказавший знание "свободных наук и возможность по-Латине свободно и вразумительно изъясняться словом и письмом"⁶, то Устав 1804 г. несколько ужесточил эти требования. Помимо названных документов абитуриент обязан был представить в Правление университета либо "свидетельство Директора Гимназии о поведении, прилежании и успехах преподаваемых там наук", либо, в тех случаях, когда среднее образование было получено "вне Гимназии", сдать специально назначаемой ректором комиссии вступительный экзамен "в...

начальных основаниях нужных наук"⁷, к которым относились "начатки" истории, географии, арифметики, геометрии, и языках — латинском, греческом и одном из европейских⁸.

Зачисленные в университет студенты в XVIII веке отправлялись вначале на философский факультет, где в течение 1—2 лет изучали так называемые "приготовительные" дисциплины, и только после этого им предоставлялось право выбора одного из "высших" специальных факультетов⁹. Согласно Уставу 1804 г. принятые в университет сразу же зачислялись студентами тех факультетов, на которых они изъявляли желание учиться¹⁰. Однако это не освобождало их от необходимости пройти курс подготовки по "приготовительным" наукам. Параграф 112 Устава четко определял, что "между науками, в Университете преподаваемыми, находятся такие, которым необходимо должны учиться все желающие быть полезными себе и Отечеству, какой бы род жизни и какую службу не избирали, и для того тот только может перейти в главное Отделение наук, соответствующим будущему состоянию, кто прослушал науки приготовительные"¹¹.

Согласно первоначальному замыслу, высказанному академиком Н. И. Фуссом в 1803 г. в ходе разработки положений университетского устава и одобренному членами Главного правления училищ¹², к числу "приготовительных наук" должны были относиться все учебные предметы физико-математического и словесного факультетов, на освоение которых предполагалось выделить три года¹³. Однако это предложение Н. И. Фусса в конечном итоге оказалось отвергнутым. В Уставе 1804 г. вопрос о перечне обязательных для изучения "приготовительных" дисциплин не оговаривался, а его окончательное решение передавалось вместе со всеми остальными вопросами, касавшимися "учреждения порядка времени и распорядка курсов в Университете", на усмотрение Совета университета¹⁴.

Если судить по косвенным данным, взятым из воспоминаний обучавшихся в Московском университете в начале XIX века, Совет университета отверг идею единого для всех студентов набора обязательных "приготовительных" дисциплин. Он определялся индивидуально для каждого зачисленного в университет студента и сильно варьировал в зависимости от избранной им специальности и уровня начальной подготовки. Поступавшим в Московский университет начиная с 1805 г. выдавался типографски отпечатанный табель на латинском языке с указанием всех профессоров и читавшихся ими на всех факультетах университета дисциплин, в котором ректор отмечал "по собственному своему усмотрению все предметы, слушание которых делалось для снабжаемого табелью обязательным"¹⁵.

⁷ Устав Императорского Московского университета // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. — СПб., 1875 — Стб. 316 (Далее. — Устав).

⁸ Очерки по истории Московского университета. — М., 1940. — С. 47.

⁹ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. — М., 1996. — С. 175—177.

¹⁰ Устав. — Стб. 316.

¹¹ Устав. — Стб. 316—317.

¹² Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. — Т. 1. — СПб., 1889. — С. 58.

¹³ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 118. — Д. 42. — Л. 45.

¹⁴ Устав. — Стб. 305.

¹⁵ Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). — М., 1989. — С. 64.

¹ Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Из истории медицинского факультета Московского университета // Вестник Российской Академии медицинских наук. — 1995. — № 8. — С. 64—68.

² Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. — М., 1994. — Т. 2, ч. 2. — С. 281.

³ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 95. — Д. 179. — Л. 6.

⁴ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 95. — Д. 180. — Л. 2.

⁵ См., например: Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. — М., 1855. — С. 316—320.

⁶ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. — М., 1996. — С. 174.

Так, зачисленному в 1805 г. на словесный факультет С. П. Жихареву надлежало изучить 19 университетских дисциплин, не считая занятий по рисованию, музыке и танцам¹⁶. Д. Н. Свербееву (1813) было определено прослушать 9 предметов¹⁷, а Н. Н. Мурзакевич (1825) после сдачи вступительного экзамена был вовсе освобожден от курса "приуготовительных наук" и сразу же допущен к изучению дисциплин "Отделения нравственных и политических наук"¹⁸.

Все вышесказанное в полной мере относилось и к тем, кто поступал на медицинский факультет. Избравшие медицинскую специальность, прежде чем приступить к изучению наук медицинского факультета, должны были пройти подготовку по ряду предметов физико-математического — математика, физика, химия, минералогия, ботаника, зоология, словесного — русский, греческий и латинский языки, история, география и нравственно-политического — философия, факультетов¹⁹. В случае, если студент, зачисленный на медицинский факультет Московского университета, уже прошел такую подготовку в другом учебном заведении и был в состоянии сдать экзамены по этим дисциплинам, он мог быть освобожден от "приуготовления" вообще или ему в табеле отмечали только часть "приуготовительных" дисциплин.

Что же касается срока, в течение которого студенты медицинского факультета должны были освоить "приуготовительные науки", то он также определялся не Уставом, а Советом университета и, видимо, жестко не фиксировался. На такую мысль наводит несоответствие данных по вопросу о продолжительности "приуготовления", содержащихся в документах, составленных лицами, работавшими в университете в первом десятилетии XIX века. Так, проф. Фишер фон Вальдгейм, читавший в Московском университете с 1804 г. ботанику, указывал, что "Физика, Химия, Минералогия, Ботаника и Зоология, принадлежащие к приуготовительным наукам для изучения Медицины, преподавались... в Физико-Математическом Факультете... и курсы учения продолжались по три академических года и более..."²⁰ М. Я. Мудров же называл несколько иные временные рамки: "...приуготовительные науки в словесном и физико-математическом отделении, составляющие науки существенные, преподаются в течение двух лет и более..."²¹

В рамках обучения собственно на медицинском факультете студенты согласно Уставу 1804 г. должны были освоить шесть профессорских курсов: "1) Анатомии, Физиологии и Судебной врачебной науки. 2) Патологии, Терапии и Клиники. 3) Врачебного Веществословия, Фармации и Врачебной Словесности. 4) Хирургии. 5) Повивального искусства. 6) Скотолечения"²². Многие из названных дисциплин читались на медицинском факультете Московского университета и на протяжении XVIII века. И тем не менее предлагавшиеся Уставом перечень и распределение учебных предметов представляли собой существенное позитивное изменение в вопросах организации и содержания учебного процесса на факультете.

Во-первых, введение шести штатных профессорских должностей ликвидировало существовавшее в XVIII столетии положение, при котором постоянно несколько профессоров и (или) адъюнктов вынуждены были вести занятия бесплатно²³. Напомним, что "Проект о Учреждении Московского университета" предусматривал организацию только трех профессорских курсов: химии, натуральной истории и анатомии, профессор которой должен был также "приучать Студентов в медицинской практике", что совершенно не соответствовало европейской традиции университетского медицинского образования. Профессора и руководители Московского университета уже в середине 60-х годов предложили внести значительные изменения в программу преподавания на медицинском факультете, но их проект не получил поддержки у императ-

рицы²⁴. Однако необходимость привести организацию и содержание учебного процесса на медицинском факультете Московского университета в соответствие с целями и задачами высшего медицинского образования заставили профессоров факультета, куратора и директора университета на свой страх и риск ввести преподавание многих не указанных в Проекте, как практических, так и теоретических дисциплин. В результате уже с конца 60-х годов на медицинском факультете Московского университета читались четыре (химия, фармацевтические дисциплины и практическая медицина; анатомия и хирургия; теоретическая медицина; натуральная история), а с 1790 г. пять (введен курс акушерства, преподавание которого с 1792 г. было объединено с хирургией) профессорских и адъюнктовских "под смотрением" курсов²⁵. Но если санкционировать преподавание не предусмотренных Проектом курсов руководители университета смогли, то увеличить число профессорских должностей без пересмотра высочайше утвержденных "Штатов" они были не в состоянии. В результате попеременно нескольким преподавателям время от времени приходилось оказываться, что называется, "за штатом" и читать свои дисциплины бесплатно. И это при том, что особых сбережений во время работы "в штате" они накопить не могли, получая весьма невысокие оклады.

Во-вторых, Уставом 1804 г. предусматривалось расширение объема преподавания практических медицинских дисциплин. Хирургия и акушерство были выделены в самостоятельные ординарные профессорские курсы.

В-третьих, Уставом вводилось более соответствовавшее требованиям времени и состоянию развития медицинской науки сочетание дисциплин в рамках комбинированного профессорского курса, включавшего преподавание важнейшего в программе университетской подготовки врача предмета — практической или клинической медицины. Клиническая медицина должна была читаться не с химией и фармацевтическими дисциплинами, что было весьма логичным во время господства в медицине ятрохимических идей и концепций на рубеже XVII—XVIII веков, а вместе с патологией и терапией.

В-четвертых, Устав определял введение преподавания двух новых самостоятельных учебных дисциплин — судебной медицины и "скотоврачебной науки".

Однако несмотря на очевидные усовершенствования, которые привносил Устав в вопросы организации и содержания учебного процесса на медицинском факультете Московского университета, профессора факультета пошли еще дальше. Уже в 1805/06 учебном году читалось не 6, а 9 учебных курсов: "советовательная медицина у постелей больных" (Ф. Г. Политковский); повивальное искусство (В. М. Рихтер); история медицинской литературы и диететика (Ф. И. Барсук-Моисеев); хирургия (Ф. А. Гильдебрандт); ветеринарные науки (И. С. Андреевский); анатомия, физиология и судебная медицина (И. Ф. Венсович и прозектор А. И. Данилевский); фармацевтическая химия (В. М. Котельницкий); врачебное веществословие (Н. Г. Щеголев); патология и терапия (С. Н. Немиров)²⁶. Преподавание комбинированного профессорского курса "Патологии, Терапии и Клиники" было разделено между профессором, который вел занятия по внутренней клинике, и адъюнктом, читавшим патологию и терапию. Также между двумя преподавателями был поделен и курс "Врачебного Веществословия, Фармации и Врачебной Словесности" — один читал фармацевтическую химию (фармацию), другой — врачебное веществословие и рецептуру. В 1809/10 учебном году то же было сделано и в отношении последнего из оставшихся комбинированных профессорских курсов "Анатомии, Физиологии и Судебной Врачебной науки" — занятия по анатомии стал вести отдельный преподаватель²⁷. Кроме этого, на факультете было введено

¹⁶ Там же. — С. 55.

¹⁷ Там же. — С. 64.

¹⁸ Там же. — С. 89—90.

¹⁹ *Album Studiosorum* (1812—1818). — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. — Инв. 5Тс502.

²⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. — М., 1855. Т. 1. — С. 243.

²¹ РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 68. — Л. 163.

²² Устав. — Стб. 299.

²³ ЦГАДА. — Ф. 359. — Д. 22. — Л. 1—8 об.

²⁴ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. — М., 1996. — С. 116—117.

²⁵ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета в XVIII веке // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. 4. — С. 101—136.

²⁶ Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. I Московского ордена Ленина медицинского института. — М., 1955. — С. 52—53.

²⁷ Объявление о публичных учениях, в Императорском Московском университете преподаваемых с 1809 Августа 17 по 28 Июня 1810 года, по назначению Совета. М., 1809. — С. 7.

преподавание не предусмотренных Уставом диететики и истории медицины.

Сразу же оговоримся, что такие действия профессоров несколько не противоречили положениям Устава 1804 г. В первых, параграф 31 предоставлял Совету университета право "кроме главных курсов ... назначить дополнительные, смотря по обстоятельствам..."²⁸, а во-вторых, числом шесть ограничивалось лишь количество ординарных профессорских должностей на медицинском факультете. Число же экстраординарных профессоров и адъюнктов на любом из факультетов могло варьировать в зависимости от потребностей того или иного факультета и также определялось решениями Совета университета.

В 1806/07 учебном году на медицинском факультете читалось уже 10 курсов (преподавание истории медицины было выделено в самостоятельный экстраординарный профессорский курс и передано И. П. Воинову)²⁹, в 1807/08 — 11 (в адъюнкский курс были выделены практические занятия А. И. Данилевского по оперативной хирургии)³⁰, а в 1808/09 — 12 (введено преподавание военной медицины — М. Я. Мудров)³¹.

Правда, в дальнейшем число курсов стало уменьшаться и к 1811/12 учебному году сократилось до восьми³². Но это уже стало не результатом стремления профессоров медицинского факультета добиться оптимального набора и распределения учебных предметов, а явилось следствием ухода из жизни нескольких старейших профессоров факультета — Ф. Г. Политковского и Ф. И. Барсука-Моисеева, и безвременной кончины только получивших докторские степени И. П. Воинова и И. Ф. Венсовича.

И тем не менее, при всей существовавшей в первые годы после принятия Устава нестабильности в плане перечня учебных дисциплин и количества преподавателей на медицинском факультете, уже в этот период отчетливо обозначаются новые принципы организации и содержания учебного процесса. Уже в этот период становится совершенно очевидной позиция профессоров факультета в отношении необходимости выделения всех без исключения практических медицинских дисциплин в самостоятельные профессорские курсы; введения преподавания таких непредусматривавшихся Уставом предметов, как гигиена и диететика, история медицины и военная медицина; разделения единого блока фармацевтических дисциплин на несколько учебных курсов; использования нескольких преподавателей для изложения курса анатомии, физиологии и судебной медицины.

Порядок и последовательность преподавания дисциплин, составляющих программу обучения на медицинском факультете, Уставом также не оговаривались. Каких-либо документов, содержащих прямые указания на то, как именно были решены эти вопросы в первые после утверждения Устава годы, обнаружить не удалось. Сохранившиеся и выявленные нами косвенные источники позволяют лишь отчасти реконструировать порядок преподавания на медицинском факультете Московского университета в этот период.

Введение согласно параграфу 117 Устава ежегодного приема студентов в университет³³ должно было фактически ликвидировать прежнюю цикловую систему преподавания, которая могла обеспечить, "чтобы науки следовали в естественной их связи"³⁴, только при условии зачисления студентов один раз в течение определенного промежутка времени, равного продол-

жительности преподавания профессорских курсов³⁵. Однако, судя по расписаниям лекций Московского университета 1805—1809 гг., этого не произошло. Так, совершенно четко просматривается четырехлетний цикл преподавания ветеринарных наук: в 1805/06 учебном году И. С. Андреевский читал "физиологию домашних животных", по окончании которой предполагал начать "изложение гигиены домашних животных"; в 1806/07 учебном году он объявил, что "будет продолжать изъяснение Гигиены домашних животных; в особенности же о скотных падежах и предохранении от оных"; в 1807/08 учебном году читал "частную домашних животных Патологию вместе с Терапиею", а в 1808/09 — "Науку о лекарствах простых, приготовленных и сложных, изъясняя их доброту, действие, употребление и образ их прописывать сообразно каждому животному". В 1809/10 учебном году он вновь приступил к изложению "Физиологии животных".

Использование профессорами медицинского факультета Московского университета цикловой системы преподавания подтверждают и расписания лекций В. М. Рихтера. Только продолжительность его курса составила не 4, а 3 года (в 1805/06 учебном году В. М. Рихтер завершал начатое им еще до принятия Устава преподавание своего прежнего комбинированного курса хирургии и акушерства), но закончился он одновременно с курсом И. С. Андреевского в 1808/09 учебном году. В 1806/07 учебном году В. М. Рихтер читал "Теоретическое Повивальное Искусство, начав с Ученой Истории оного", в 1807/08 — "Высшую Повивальную Науку, или Учение о сверхестественных родах", в 1808/09 — "Учение о женских и о детских болезнях". В 1809/10 учебном году он вновь объявил о начале "нового курса лекций о Повивальном Искусстве" и преподавании им "Ученой Истории сей Науки"³⁶.

Причины такого решения профессоров и совета медицинского факультета до конца не ясны. Но, по-видимому, они рассчитывали на то, что студенты, поступившие на факультет в 1805 г., смогут приступить к изучению собственно медицинских дисциплин не ранее 1808—1809 гг., так как им предстояло в течение 3 лет проходить курс "приготовительных" наук. А перестраивать учебный процесс и вводить преподавание новых учебных курсов было, несомненно, легче в условиях более привычной цикловой схемы.

Однако на деле этот предварительный расчет профессоров медицинского факультета не оправдался. Судя по биографиям известных выпускников медицинского факультета Московского университета, уже в первые годы после принятия Устава 1804 г. срок обучения медиков составлял не 7 (3 года на "приготовительные" науки и 4 на освоение собственно медицинских дисциплин), а всего 5 лет. Так, зачисленные на факультет в 1805 г. Д. И. Левитский и А. Г. Сидорацкий окончили Московский университет в 1810 г. Поступивший в 1807 г. И. П. Ризенко завершил свое обучение в 1812 г.³⁷ При этом вряд ли сокращение срока пребывания студентов в университете произошло за счет уменьшения объема и продолжительности преподавания дисциплин медицинского факультета. Но и не доверять сведениям М. Я. Мудрова и Фишера в отношении времени, в течение которого студенты слушали "приготовительные" науки, у нас нет никаких оснований. Видимо, уже в течение 1805/06 учебного года профессора и руководители Московского университета в силу острого дефицита в стране медицинских кадров приняли решение вести преподавание "приготовительных" и собственно медицинских дисциплин не последовательно, а до определенной степени параллельно. Только "приготовительные" науки медики изучали лишь в течение первого года, а затем слушали их уже вместе с дисциплинами, составлявшими программу обучения на медицинском факультете.

В результате вопреки изначальным планам профессоров новые студенты получили возможность приступить к изучению наук медицинского факультета не в 1808—1809 гг., а уже в 1806 г. Однако это почему-то никак не повлияло на избранную методику преподавания. Как следствие, в первые годы после при-

²⁸ Устав. — Стб. 301.

²⁹ Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете, преподаваемых с 1806 года Августа 17 дня по 1807 года Июня 28 дня, по назначению Совета. — М., 1806. — С. 5—7.

³⁰ Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете, преподаваемых с 1807 года Августа 17 дня по 28 Июня 1808 года, по назначению Совета. — М., 1807. — С. 6—8.

³¹ Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете, преподаваемых с 1808 года Августа 17 дня по 28 Июня 1809 года, по назначению Совета. — М., 1808. — С. 6—9.

³² Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете, преподаваемых с 1811 года Августа 17 дня, по назначению Совета. — М., 1811. — С. 5—7.

³³ Устав. — Стб. 318.

³⁴ Устав. — Стб. 305.

³⁵ Подробное описание цикловой системы преподавания см.: А. М. Сточик, С. Н. Затравкин. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. — М., 1996. — С. 180—187.

³⁶ Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете, преподаваемых с 1809 года Августа 17 дня по 28 Июня 1810 года, по назначению Совета. — М., 1809. — С. 6.

³⁷ См. соответствующие биографии в кн. Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. — Вып. 1. — СПб., 1886.

нения Устава на медицинском факультете Московского университета возник определенный хаос в вопросах организации и содержания учебного процесса. Одни студенты начинали изучать, например, курс акушерства с истории этой науки, другие же — с "высшей повивальной науки". Но такое положение сохранялось недолго. Судя по расписаниям лекций, сразу же по завершении первого цикла профессора медицинского факультета коренным образом перестроили порядок преподавания дисциплин на факультете. С 1809/10 учебного года продолжительность изложения профессорских и адъюнктовских курсов стала составлять не более 2 лет, что создало все необходимые предпосылки для того, чтобы полностью ликвидировать положение, при котором часть студентов вынуждена была приступать к освоению того или иного курса, начиная с его середины или даже с конца. С этого времени каждый из учебных курсов стал читаться в течение срока пребывания студентов на факультете полностью от начала до конца как минимум 2 раза. Студентам оставалось только выбрать те 2 года, в течение которых они будут слушать данный конкретный курс. Правда, выбор этот осуществлялся скорее всего не самими студентами, а деканом, поскольку должен был обеспечить еще и равномерное распределение нагрузки между преподавателями и, что самое главное, изучение студентами предметов медицинского факультета в правильной последовательности, начиная с естественных и теоретических врачебных наук и заканчивая практическими медицинскими дисциплинами.

В результате начиная с 1809/10 учебного года на медицинском факультете Московского университета стала складываться некая промежуточная между курсовой и цикловой методика преподавания. От курсовой методики в ней было наличие на факультете в течение одного академического года студентов всех 5 лет обучения, которые изучали различные учебные дисциплины. От цикловой остались профессорские курсы, в рамках которых материал излагался последовательно в течение 2 лет, и при этом на протяжении каждого из них лекции по данной дисциплине могли слушать студенты только какого-то определенного года обучения. Если вновь в качестве примера взять расписания лекций В. М. Рихтера, то в 1809/10 учебном году, как уже отмечалось, он приступил к новому курсу лекций и читал "Ученую историю" повивального искусства; в 1810/11 — "об инструментальных операциях в Повивальном Искусстве употребляемых, также и о болезнях женского пола и детей"³⁸, а в 1811/12 он снова объявил о начале "нового курса Повивального Искусства". При курсовой методике преподавания, введенной на факультете позднее, занятия по акушерству также продолжались 2 года, но в течение каждого из них читалась как первая часть этого курса (для студентов 3-го года обучения), так и вторая (для студентов 4-го года обучения)³⁹.

Параллельно с введением новых учебных курсов и поиском оптимальной методики их преподавания решались и вопросы по реализации одного из важнейших нововведений Устава 1804 г., которым предписывалась организация на факультете трех клинических институтов: "Медицинского Клинического Института; Хирургического Клинического Института; Института повивального искусства"⁴⁰. Правда, первые шаги, направленные на создание клинической базы медицинского факультета Московского университета были предприняты несколько раньше, чем был утвержден Устав. Еще в 1803 г. назначенный попечителем Московского учебного округа М. Н. Муравьев, прекрасно осведомленный во всех вопросах, касавшихся готовившегося устава, во время своего первого приезда в Москву поставил перед профессорами Московского университета задачу "заняться начертанием клинической больницы"⁴¹. Возможно уже тогда был разработан проект организации клинических институтов и принято решение об их размещении в здании на углу Б. Никитской улицы и Леонтьевского переулка, построенном на месте разобранной в 1791 г. церкви Дионисия Ареопита, в котором, по всей вероятности, находилась университет-

ская больница⁴². Но приступить к осуществлению этого плана смогли только в конце 1804 — начале 1805 г. после того, как были высочайше утверждены Устав и "Штаты" Московского университета и выделены необходимые средства для организации клинических институтов. Стремясь как можно скорее выполнить соответствующее положение Устава и обеспечить медицинский факультет клинической базой, М. Н. Муравьев принял решение не дожидаться, пока будут отремонтированы все институты, а вводить их в действие последовательно по мере готовности. А поскольку оборудовать комнаты для больничных палат было делом существенно более легким (особенно, если институты организовывались на базе уже функционировавшей больницы), нежели для учебных помещений, требовавших специальной перепланировки и оснащения, то первым — 11 февраля 1805 г. — было введено одно из лечебных подразделений Хирургического института — глазная больница на 3 кровати. Целиком больницу Хирургического института на 6 коек (3 для пациентов с болезнями глаз и 3 для собственно хирургических больных), а также больницу Клинического (внутренних болезней) института на 3 койки вместе со всеми вспомогательными и учебными помещениями, главным из которых являлась "Аудитория Клинического Института", удалось обустроить только к концу лета. Тогда, 30 августа 1805 г., и состоялось торжественное открытие "Медицинского Клинического" и "Хирургического Клинического" институтов медицинского факультета Московского университета. Последним, 7 января 1806 г., был введен в действие Повивальный институт и родильный госпиталь на 3 койки⁴³. Создание этого института было сопряжено с наибольшими сложностями, так как в силу своей специфики он должен был быть полностью изолирован от двух предыдущих, иметь отдельный вход, и в нем была организована собственная аудитория⁴⁴.

Судя по расписаниям лекций медицинского факультета Московского университета клинические институты с первых же дней своей работы начали активно использоваться в учебном процессе для проведения практических занятий со студентами. Так, уже в расписании лекций на 1805/06 учебный год Ф. Г. Политковский объявил, что будет читать свой курс "у постелей больных в Клиническом институте", а Ф. А. Гильтебрандт, указав, что "будет ежедневно продолжать в клинике лечение глазных болезней". В 1806/07 учебном году к ним присоединился и В. М. Рихтер, объявивший в расписании своих лекций, что "будет занимать слушателей практическими упражнениями в больнице Повивального института".

Организация клинических институтов, внедрение практических форм обучения наряду со значительным расширением объема и перечня преподаваемых на медицинском факультете дисциплин были призваны обеспечить решение главной задачи, которую ставил перед Московским университетом Устав 1804 г. — переориентировать факультет на подготовку врачей с правом на практику⁴⁵. С введением в действие Устава 1804 г. студенты, прошедшие курс "приуготовительных" наук, изучившие все предметы медицинского факультета и сдавшие по всем прослушанным дисциплинам экзамены, могли претендовать на получение не только ученой степени кандидата медицины, присваивавшейся на протяжении XVIII века и не дававшей права на практику, но и медицинского звания лекаря и доктора медицины, которые такое право предоставляли.

Правда, в течение первых нескольких лет после принятия Устава медицинский факультет Московского университета по-прежнему продолжал выпускать кандидатов медицины. Так, окончившие обучение на факультете В. П. Ризенко (1806) и В. И. Ромодановский (1808) покинули стены Московского университета кандидатами медицины⁴⁶. Каких-либо данных о присвоении кому-нибудь из выпускников медицинского факультета Московского университета в период с 1805 по 1810 г. звания лекаря или доктора медицины обнаружить не удалось.

⁴² Сточик А. М., Затравкин С. Н. К истории открытия клинических институтов Московского университета // Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1997. — № 2. — С. 48—49.

⁴³ Там же. — С. 48.

⁴⁴ Там же. — С. 49.

⁴⁵ Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицинский факультет в "Уставе Императорского Московского университета" 1804 года // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1997. — Т. 7. — С. 81.

⁴⁶ См. соответствующие биографии в кн.: Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. — Вып. 1. — СПб., 1886.

³⁸ Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете, преподаваемых с 1810 года Августа 17 дня по 28 Июня 1811 года, по назначению Совета. — М., 1810. — С. 6.

³⁹ Обзорение публичного преподавания наук в Императорском Московском университете с 17 дня Августа 1832 по 28 Июня 1833 года. — М., 1832.

⁴⁰ Устав. — Стб. 291.

⁴¹ Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. — М., 1855. — С. 329.

Однако эти факты лишь на первый взгляд противоречат высказанному выше положению о кардинальной переориентации факультета на подготовку врачей с правом на практику. Что касается В. П. Ризенко, то причина присвоения ему ученой степени кандидата медицины более чем очевидна. Он поступил в Московский университет в 1801 г. и проходил подготовку на медицинском факультете по старой программе. Практических медицинских дисциплин у постели больного он не изучал, поскольку клинические институты были открыты примерно в то же время, когда он завершал свое обучение.

В отношении же В. И. Ромодановского и других студентов, окончивших медицинский факультет в 1808—1809 гг., причины, по которым они вынуждены были покинуть университет кандидатами медицины, требуют более обстоятельного рассмотрения.

Право присваивать медицинские звания, дававшие разрешение на практику, было предоставлено в течение 1803—1804 гг. не только Московскому, но и другим российским университетам. В их числе был и университет в Дерпте, действия которого в вопросах аттестации медицинских чиновников на различные звания стали причиной грандиозного скандала, разразившегося в 1808 г. Причем скандал вокруг присвоения Дерптским университетом без экзамена звания лекаря и высшего в то время в России звания доктора медицины и хирургии приобрел столь масштабные формы, что дошел до Кабинета министров. Для рассмотрения всех обстоятельств дела и принятия надлежащих мер была создана специальная комиссия в составе министра внутренних дел, министра народного просвещения и всех попечителей учебных округов. В числе прочих задач, поставленных перед комиссией правительством и лично императором, было и указание разработать единую для всех учебных заведений, в которых проходят подготовку медики, систему присвоения медицинских званий и ученых степеней⁴⁷. При рассмотрении этого вопроса комиссия взяла за основу для "создания общих правил об экзаменах медицинских чиновников" недавно утвержденный "Устав Императорской Медико-Хирургической Академии" (1808), согласно которому академия должна была готовить кандидатов хирургии без права на самостоятельную практику. Для получения такого права кандидат хирургии обязан был пройти одногодичную стажировку в госпитале или другом лечебном заведении, и только после этого ему разрешалось сдать лекарский экзамен⁴⁸. В полном соответствии с этими положениями "Устава Императорской Медико-Хирургической Академии" комиссия определила и для университетов такой же порядок присвоения медицинских званий студентам, окончившим медицинские факультеты: "... по окончании курсов теоретического учения и по выдержании экзамена, определять для усовершенствования в практике на год в военные или другие большие госпитали, в звании кандидатов, сообразно правилам для воспитанников Медико-Хирургической Академии постановленным, где под руководством главных докторов могут приобрести познания в лечении всякого рода болезней и производстве хирургических операций.

По окончании года практического их испытания и представлении свидетельства главного доктора об исходе их, они получают диплом, следующий на звание доктора или лекаря от того Университета, в котором обучались и были экзаменованы, а вместе с тем свидетельство главного медицинского управления об искусстве и опытности их во врачебной практике⁴⁹. Исключение делалось только для своекоштных студентов, которым разрешалось сразу по окончании университетского курса сдавать лекарский или докторский экзамен. Однако "производить" самостоятельную практику им все равно не разрешалось до тех пор, пока они не пройдут минимум одногодичную стажировку и не представят отзыв "главного доктора" того лечебного учреждения, в котором "усовершенствовались"⁵⁰.

В качестве мотивировки такого решения, фактически возвращавшего целевые установки университетского медицинского образования, существовавшие в XVIII веке, комиссия заявляла, что необходимость в послеевропейской стажировке диктуется тем, "что ... для усовершенствования в практике обучающихся в оных (университетах. — А. М. Сточик) имеют не большие клинические заведения, для сего предмета недоста-

точные ..."51 Однако вряд ли это объяснение отражало истинные мотивы принятого решения. В комиссии заседали те же люди, которые готовили уставы российских университетов и позже утверждали коечную мощност клинической базы тех университетов, в которых она была создана. За прошедшие с того времени 3—4 года у них попросту не могло накопиться свидетельство в пользу такого вывода. К тому же, например, в Московском университете число коек в клинических институтах было не только сопоставимо, но даже превышало число обучавшихся на медицинском факультете. Оборачиваемость коек в клинических институтах Московского университета также вполне отвечала целям этих учебных подразделений. Так, в Повивальном институте на 3 койки в течение 1806 г. медицинскую помощь получили 44 женщины⁵². Но даже если они в действительности сочили коечную мощност клинической базы российских университетов "недостаточной", то именно в их власти было расширить ее, что было бы гораздо более логичным, нежели вносить коррективы в идеологию высочайше утвержденных уставов.

Все вместе взятое наводит на мысль, что истинными мотивами принятого решения было стремление любой ценой замкнуть скандал, возникший в связи с действиями Дерптского университета, и не допустить возможности для повторения подобных случаев. В результате в 1808 г. начала складываться весьма опасная для будущего университетского медицинского образования ситуация, когда одно из принципиальных нововведений Устава, призванное обеспечить развитие университетской модели подготовки врача, было поставлено под угрозу вследствие чисто тактических соображений. Именно в силу этого решения комиссии В. И. Ромодановский и был выпущен из университета с ученой степенью кандидата медицины без права на практику. К счастью, уже в середине 1810 г., сразу же вслед за передачей Медико-хирургической академии в ведение министерства народного просвещения, это решение было пересмотрено и высочайше утвержденные новые "Правила об экзаменах медицинских чиновников" возвращали все на прежние места. Начиная с 1810 г. подавляющее большинство выпускников медицинского факультета Московского университета покидали стены *alma mater* в звании лекаря или доктора медицины с правом на самостоятельную врачебную практику⁵³. Предпочтение кандидатскому экзамену отдавали лишь единицы из числа выпускников медицинского факультета Московского университета. К ним относились, во-первых, те, кто решал для себя оставить медицину и поступить на другой факультет. Во-вторых, кандидатами медицины заканчивали обучение на медицинском факультете некоторые из своекоштных студентов. Устав 1804 г. обязывал посещать занятия в клинических институтах только казеннокоштных студентов, в то время как своекоштные могли проходить практическую подготовку в клиниках по своему желанию. Большинство из них такую подготовку проходили и сдавали лекарский экзамен. Те же, кто практических занятий не посещал, сдать ни лекарского, ни докторского экзамена не могли. В результате в их распоряжении оставалась только одна возможность — сдать теоретический экзамен на степень кандидата медицины, чтобы в дальнейшем после практической стажировки в любом лечебном учреждении города продолжительностью не менее 1 года обратиться либо снова в университет, либо в Медико-хирургическую академию с просьбой принять у них лекарский экзамен.

Известно также, что степень кандидата медицины присваивали в начале XIX века и тем, кто не смог сдать лекарский экзамен и при этом не заслуживал того, чтобы быть оставленным на последнем курсе на второй год⁵⁴.

Таким образом, полностью перестроить работу медицинского факультета Московского университета и реализовать положения Устава 1804 г. удалось лишь к 1809/10 учебному году, который следует рассматривать как дату завершения процесса введения Устава на медицинском факультете университета.

Поступила 13.05.97

⁵¹ Там же. — Стб. 552.

⁵² Сточик А. М., Затравкин С. Н. К истории открытия клинических институтов Московского университета // Проблемы социальной гигиены и история медицины. — 1995. — № 2. — С. 49.

⁵³ Подробно о процедуре сдачи выпускного экзамена на звание лекаря и ученою степень (звание) доктора медицины см.: Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Медицинский факультет в "Уставе Императорского Московского университета" 1804 года // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. — 1997. — Т. 7. — С. 82—85.

⁵⁴ Там же. — С. 86.

⁴⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. — СПб., 1875. — Стб. 545.

⁴⁸ Приложения к истории Императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии за сто лет. 1798—1898 / Под ред. проф. Ивановского — СПб., 1898. — С. 51.

⁴⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — Т. 1. — СПб., 1875. — Стб. 552.

⁵⁰ Там же. — Стб. 552—553.